ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ФИЛЕАСА ФОГГА

Опыт научно-фантастического плагиата

Виктор ГУБИН

В редакцию пришло письмо. «Расскажите, каким представляют фантасты транспорт будущего?» — просил Игорь Букин, любознательный пятиклассник из города Сыктывкара.

Мы показали это письмо литератору, о котором были наслышаны: любит фантастику, знает ее. Спросили: не возьмется ли он ответить нашему читателю?

— Видите ли,— замялся литератор.— Я бы с удовольствием. Но ведь получится статья! Сухая и неинтересная статья...

— А вы нам рассказ напишите на эту тему!

— Но...— литератор, похоже, вконец расстроился.— Все виды транспорта, о которых я смогу рассказать, уже описаны фантастами! Плагиат же получится! Нехорошо...

— Ну и пусть! Это даже интересно: добротный научно-фантастический плагиат!— настаивали мы, и литератор, в конце концов, сдался.

Через неделю он принес готовый материал. Орудуя ножницами и клеем, он искромсал одиннадцать фантастических повестей и романов. Из одной книги он ухитрился выстричь даже главных героев!

— Вот только пришлось кое-где погрешить против истины,— смущенно пояснил он.— Скажем, «реальный» Стандарт-Айленд никогда не плавал в Атлантическом океане...

— Что ж, оно так и бывает,— рассудили мы.— Плагиатор всегда несколько «перерабатывает» списанное у других.

А чтобы читателям легче было определить, какими «пособиями» воспользовался наш автор,— описания фантастических видов транспорта и некоторые дословно списанные ситуации мы выделили в тексте курсивом.

Попробуйте, кстати, определить: какие это были пособия?

В 1895 году, через двадцать три года после знаменитого восьмидесятидневного путешествия вокруг света, Филеас Фогг снова собирался в дорогу.

Накануне, в перерыве между двумя партиями виста, он крупно поспорил со своими коллегами по Реформ-клубу. Джентльмены скептически отнеслись к промелькнувшему в газетах сообщению об опытах Изобретателя из Ричмонда, якобы сумевшего найти способ для передвижения во Времени. И Филеас Фогг вызвался на пари доказать правдивость этого сообщения. А когда англичанин держит пари — это всегда всерьез.

На следующий день, в восемь часов вечера, Филеас Фогг в сопровождении верного Паспарту был в Ричмонде. Возле дома, где жил Изобретатель, прибывших ожидали партнеры мистера Фогга по висту и Реформ-клубу.

Хозяина дома они нашли в лаборатории, возле машины, сплошь состоявшей из непривычных для глаза деталей. Посредине машины виднелось седло.

Некоторые части машины были сделаны из никеля, другие из слоновой кости; были и детали, несомненно, вырезанные или выпиленные из горного хрусталя. На скамье, рядом с чертежами, лежало несколько прозрачных, причудливо изогнутых стержней.

— Что ж,— выслушав Филеаса Фогга, сказал Изобретатель.— Машина готова.

Он помог нашему джентльмену удобнее устроиться в седле, объяснил назначение прозрачных кварцевых стержней.

Один из партнеров протянул Филеасу Фоггу небольшой фотографический аппарат и сумку с кассетами.

— Транспорт наших дней мы знаем,— сказал он.— Было бы неплохо узнать, на чем ездят наши потомки. Если не возражаете, пусть это будет дополнительным условием нашего пари.

Мистер Фогг не возражал. Сдержанно попрощавшись с окружавшими его джентльменами, он поискал глазами Паспарту. Того в комнате не было.

Филеас Фогг потянул один рычаг, другой...

Лаборатория стала туманной и неясной. Сразу наступила темнота, но в следующее же мгновение вновь стало светло.

Шумело в ушах. Мгновенная смена темноты и света была нестерпима для глаз.

День и ночь слились, наконец, в сплошную серую пелену; небо окрасилось в ту удивительную синеву, приобрело тот чудесный оттенок, который появляется в ранние сумерки.

Был солнечный полдень двадцать первого века, когда Машина затормозила свой бег во Времени и замерла на тенистой лужайке близ высоченного небоскреба.

Первым человеком, которого мистер Фогг встретил в будущем, был... Паспарту. Он заблаговременно спрятался за одну из непрозрачных никелевых станин Машины и, со всем упорством вцепившись в нее, проделал весь путь вместе с Филеасом Фоггом.

— Вот мы и в будущем! — воскликнул Паспарту.— Но... Где мои башмаки?!

Он был бос: на башмаки чудесное влияние Машины, как видно, не распространилось...

За деревьями виднелась стоянка элмобилей. Путешественники приблизились к ним; после того, как Филеас Фогг, повозившись с фотоаппаратом, заснял одну из машин,— проникли внутрь нее.

— Куда вас везти? — произнес ровный голос, когда дверца за ними захлопнулась.

Паспарту вздрогнул. Он не был знаком с элмобилями и тем более — с Автоматическими Водителями Транспорта, Обладающими Речью. АВТОРами,— как называли их в обиходе люди будущего.

Но Филеас Фогг и в будущем оставался тем же невозмутимым членом Реформ-клуба.

— В порт,— кратко отвечал он.

— С перепрыгом или без? — поинтересовался АВТОР.

— Мы спешим.

— Везти с разговором?

Последний вопрос АВТОРа остался без ответа. Мистер Фогг явно не желал прибегать к услугам самой совершенной техники, если та становилась чересчур назойливой.

Элмобилей было в этот час много. Когда впереди, за несколькими машинами, намечался просвет, элмобиль выпускал подкрылки и перелетал через идущие впереди машины, занимая свободное место.

В порт они прибыли как раз вовремя: из устья Темзы готовился отойти Стандарт-Айленд, искусственный остров на гребных винтах. Катер на воздушной подушке перенес выходцев из прошлого на причал этого «образцового острова», и второе путешествие Филеаса Фогга по земному шару благополучно началось.

Остров выглядел привлекательно. Его поверхность покрывал толстый слой чернозема, и этой почвы вполне хватало для газонов, клумб, кустарников, садов, небольших рощ и даже лугов, на которых паслись стада коров и овец.

Стандарт-Айленд — остров из стали. Он состоит из двухсот шестидесяти тысяч понтонов. Все эти понтоны, накрепко соединенные болтами, образуют площадь примерно в двадцать семь квадратных километров. При овальной форме острова он имеет семь километров в длину и пять в ширину, а окружность его равняется приблизительно восемнадцати километрам.

Путешественникам отвели уютный коттедж. Но недолго наслаждался Паспарту размеренной и несложной жизнью. Он примерял новомодные сандалии, выполненные по образу и подобию их древнегреческих прапрабабушек, когда...

— Вот как! — вырвалось у мистера Фогга. На девятнадцатой полосе газеты транспортников, которую добросовестно штудировал почтенный джентльмен, была помещена сенсационно озаглавленная заметка: «Летайте волноходами!»

Филеас Фогг тут же вызвал по видеофону дежурного диспетчера и попросил подготовить какой-нибудь вид транспорта, могущий доставить двух пассажиров на берег Каспийского моря.

Небольшой оранжево-красный аппарат быстро и бесшумно летел над землей, направляясь на северо-восток.

В кабине аппарата было трое: Филеас Фогг, неизменный Паспарту и высокого роста пожилой мужчина, назвавшийся Муцием.

Муций сидел впереди, откинувшись на спинку мягкого сиденья.

Перед ним находился только маленький, изящно оформленный щиток с двумя миниатюрными циферблатами. Ничего, что можно было бы назвать системой управления, в кабине не было: ни штурвала, ни педалей, ни каких-либо рукояток.

Аппарат управлялся при помощи биотоков.

Под его гладким удлиненным корпусом, не имевшим ни крыльев, ни каких-либо внешних движущих частей, стремительно проносилась поверхность земли.

Но вот остались позади последние отроги Кавказских гор, впереди засинело море.

Машина остановилась. Она неподвижно повисла в воздухе на высоте около двухсот метров, потом, как на невидимом парашюте, вертикально опустилась на землю.

Путешественники очутились на берегу Каспия, близ Дербента. Они торопливо попрощались с Муцием: у кромки прибоя их уже ожидал «Гром и молния», корабль без двигателя.

Овальная платформа, выкрашенная пронзительной желтой краской. На платформе — обыкновенный планер. Малиновый планер на желтом диске.

«Гром и молния» стоит у входа в узкий залив. Как снаряд в жерле заряженной пушки. Когда все будет готово, у берега, позади, подорвут две сотни зарядов, расположенных так, чтобы дать направленный кумулятивный взрыв. И тогда в заливчике поднимется гигантская волна. Направленное цунами... Отсюда, из жерла залива, вырвется волна высотой метров в пять. В открытом море водяной бугор станет ниже, но скорость его увеличится, а у противоположного берега волна поднимется на высоту пятиэтажного дома.

Волнующие минуты!.. Подхваченный гребнем волны, волноход промчался через Каспийское море со скоростью около семисот километров в час!

У восточного берега корабль «соскочил» с волны. Планер нашим путешественникам не понадобился.

Городок, куда прибыли Филеас Фогг и Паспарту, был невелик. С миром его связывала сеть ракетопланов, да вот еще волноходы. Но повторяться в выборе транспорта Филеасу Фоггу не хотелось. А рейсовых ракетопланов на сегодня не предвиделось.

На базе индивидуального транспорта им удалось получить *«водяные коньки Сергея Кладезева»*.

Но их нашлась лишь одна пара, и Паспарту уже с досадой прикидывал, как это он останется здесь один, без мистера Фогга... Девушка-кладовщица успокоила их.

Им выдали водяные башмаки с подошвой из аквафобита, усиливающего поверхностное натяжение, в просторечьи называемые иисусками, потому, что в них можно было ходить «по морю, аки по суху». Иисус, герой христианских сказок, будто бы умел это делать.

Паспарту тут же сбросил опостылевшие сандалии и в новой обуви, тяжеловесной несколько, но не лишенной изящества, гордо зашагал к берегу моря. За ним, с водяными коньками под мышкой, двинулся и Филеас Фогг. У моря переоблачился и он, и вот они —

пошли, пошли, пошли по воде, чуть продавливая поверхность, разглядывая камешки на уходящем в глубину дне, отпрыгивая, когда рыба подплывала под ноги.

Собственно, камушки и рыбок разглядывал один Паспарту. Филеас Фогг катил на коньках в спокойной, полной достоинства манере: заложив руки за спину, невозмутимо глядя прямо перед собой. Так, как он обычно прогуливался по круглой галерее Реформ-клуба.

Коньки скользили очень хорошо. От них оставался на воде легкий узкий след, который быстро сглаживался.

Путешественники двигались на север. Они были уже довольно далеко от берега — он даже не просматривался, — когда на море появилась легкая рябь. Рябь постепенно переходила в волну, и наступил момент, когда продвижение вперед стало немыслимым.

Тут-то и пригодились вингеры — авиаранцы с комбинезоном и крыльями, навязанные мистеру Фоггу и его спутнику там же, на базе индивидуального транспорта, заботливой кладовщицей.

Поддерживая друг друга на неторопливо перекатывающихся волнах, путешественники облачились в непроницаемые комбинезоны и прозрачные шлемы с пробковой подкладкой. Нащупали кнопки на груди. Шипение, свист, за спинами расправились темно-зеленые крылья... и они уже в воздухе, они — летят!

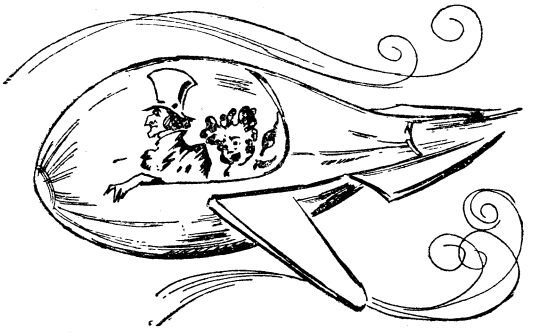
Паспарту откровенно ликовал. Еще бы, он стал хозяином неба!

Может летать высоко и совсем низко, взвиться свечой вверх, поравняться с облаками, обойти стороной эти надутые подушки или нырнуть в них, разгрести туман крыльями, проникнуть в заоблачный сине-белый вечно солнечный мир...

Скорость вингера была достаточно велика: сто пятьдесят-двести километров в час, и незадолго до заката Филеас Фогг и Паспарту были уже на северном берегу Каспия, в двух-трех километрах от волжской дельты. Они опустились на лужайку среди бурно разросшихся кустарников, свернули крылья, сбросили комбинезоны, по узкой тропке миновали живую изгородь и остановились как вкопанные. Перед ними была самодвижущаяся дорога.

Их начали строить давно, и теперь они тянулись через многие города, образуя беспрерывную разветвленную материковую систему.

Дорога текла в нескольких шагах шестью ровными серыми потоками. Полосы двигались с разными скоростями и отделялись друг от друга вершковыми белыми барьерами. На полосах сидели, стояли, шли люди.



Филеас Фогг решительно шагнул на первую из полос. За ним с куда меньшей решительностью последовал Паспарту.

Дорога текла плавно, без толчков; зеленые кусты и коричневые стволы сосен весело бежали назад; в просветах между ветвями появлялись и исчезали большие стеклянные здания, светлые коттеджи, открытые веранды под блестящими пестрыми навесами.

Словоохотливый попутчик объяснил любознательному Паспарту устройство этих бесконечных лент.

Он говорил, будто дороги эти не потребляют энергии и не боятся времени; будучи разрушенными, восстанавливаются сами; легко взбираются на горы и перебрасываются мостами через пропасти.

Дорога привезла наших путников в Свердловск — большой, тихий, удивительно красивый, утонувший в зелени город. Здесь мистер Фогг объявил Паспарту, что путь их лежит через Мурманск и Туннель-Сити в Нью-Генск, малоизвестный американский город, где как раз заканчиваются опыты по телепортации человека.

На перроне вокзала «Мурманск-подземный» было тихо. Странный поезд, без окон и дверей, напоминавший непомерно длинную цистерну, уже стоял у перрона.

Паспарту любовно потрогал цилиндрическую обшивку вагона.

— До Америки — два часа ходу!..

Вагон плавно тронулся. Цилиндрическое тело поезда медленно скрылось в воздушном шлюзе. Автоматически поднявшаяся крышка закрыла люк.

Послышался легкий, едва уловимый шум. Заработали насосы, выкачивавшие из шлюза воздух. Медленно текли минуты. Наконец, вакуумметр показал достаточное разрежение. Готово! Сейчас автоматически откроется люк, отделяющий воздушный шлюз от туннеля. Через мгновение поезд помчится по туннелю, набирая скорость...

Делая две тысячи километров в час, поезд пролетел по трубам плавающего океанского моста и благополучно высадил наших путешественников на берегу Аляски, в городе Туннель-Сити.

Отсюда Филеас Фогг и Паспарту выехали на автомобиле, к полудню они были в Нью-Генске.

Кибершофер затормозил на Пайрид-стрит, прямо возле экспериментальной лаборатории Всеобщей компании электрических машин. Отправив автомобиль на ближайшую стоянку так-

си, Филеас Фогг и Паспарту вошли в лабораторию.

В главном операционном зале мелькали многочисленные разноцветные сигнальные лампочки, пахло озоном.

Профессор Гелоу отнюдь не был обрадован появлением незнакомцев, предлагавших свои услуги в качестве подопытной живой массы. Однако в голосе мистера Фогга сквозила такая уверенность в успехе всего предприятия, а Паспарту глядел столь подкупающе доверчиво, что профессор просто не решился отказать им.

— Но должен предупредить вас, джентльмены, — только и сказал он, — что наша установка всего лишь экспериментальна, до сдачи ее в эксплуатацию еще далеко...

Мистер Фогг хладнокровно направился к отправной установке—великолепному креслу под поднятым прозрачным колпаком.

Он быстро взошел на площадку и сел в кресло, заложив ногу на ногу. Прозрачный колпак опустился, и тотчас же загорелась изумрудным светом сигнальная лампа — «приготовиться».

Соседний колпак занял Паспарту.

Вспыхнула рубиновая лампа, щелкнули секундомеры. Под прозрачными колпаками камер как бы заструились потоки горячего воздуха, стушевывая контуры человеческих фигур. Еще одна-две секунды... Паспарту и Филеас Фогг на глазах друг у друга бесследно растаяли, подобно кускам рафинада в воде.

В то же мгновение раздался оглушительный грозовой разряд, ослепительно вспыхнули и тут же погасли сигнальные лампы. Короткий осмотр выяснил, что сгорели все предохранители.

Ликвидация аварии потребовала не больше нескольких минут.

Но последствия аварии... Под прозрачными колпаками принимающей установки, находившейся в тысяче километров от лаборатории, появились: в первом — паривший в воздухе великолепный цилиндр стального цвета, во втором — несколько тяжеловесные, хотя и не лишенные изящества водяные башмаки.

Ни мистера Фогга, ни спутника его под колпаками не было.

Примерно в это же время (хотя, как увидит читатель, как раз со временем дело обстояло не совсем благополучно) в другой точке планеты произошло два одинаково сенсационных события.

Первое имело место в Ричмонде конца девятнадцатого века, в лаборатории Изобретателя.

Перед глазами еще не успевших прийти в себя коллег мистера Фогга по Реформ-клубу, на том месте, где три-четыре минуты назад размещалась загадочная Машина, вдруг появились — словно из тумана вынырнули — две фигуры.

Одна из них оказалась самим мистером Фоггом, вполне невозмутимо оглядывавшим теперь опешивших вдругорядь партнеров. В руке благородный джентльмен сжимал сумку с использованными кассетами, фотоаппарат болтался у него на боку.

Рядом с Филеасом Фоггом протирал кулаками глаза Паспарту. Вот его-то в благородстве облика никак нельзя было упрекнуть: курчавая шевелюра вздыблена, пестрый шейный платок сбился набок, на ногах... Да у него ничего же нет на ногах!..

Впрочем, Паспарту уже разглядел в двух шагах от себя отлично разношенные, чуть потертые, но еще крепкие башмаки, пребывавшие в счастливом неведении относительно приключений их хозяина.

— *Мои башмаки!..— вскричал Паспарту.*

— Папа, папа!.. Посмотри, что я нашел!..

— М-м... ну? — без должной заинтересованности буркнул папа и, на ходу дочитывая фантастический роман древнего писателя Уэллса, медленно двинулся в ту сторону, откуда прозвучал торжествующий крик первооткрывателя.

Там, на тенистой лужайке, радостно пыхтя и отдуваясь, трехгодовалый малыш силился сдвинуть необычное сооружение с того самого места, где два столетия назад находилась лаборатория мистера Изобретателя.

Рисунки Е. Стерлиговой